

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Автор: А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

*ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института социологии Российской академии наук.*

Исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит.

А. И. Герцен

Дискуссия о предмете - системность versus конструктивизм

Социология в целом, и в том числе социологическая теория, проникают ныне во все сферы общественной жизни. Задача этой области знания состоит в разработке научных представлений об обществе и его устройстве, о взаимоотношении общества и личности, об источниках и движущих силах социальных и политических преобразований, о соотношении намерений субъектов социальных действий с ближайшими и отдаленными последствиями этих действий. Знание подобного рода исключительно важно

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант N 00 - 03 - 00038л).

с точки зрения любого общества, стремящегося к самосохранению и развитию в нынешнем беспокойном мире.

В своем шествии по планете социология сталкивается с весьма важной проблемой, более или менее одинаково актуальной для каждого общества. Речь идет о соотношении национального и интернационального компонентов в самом содержании социологии¹. С одной стороны, это знание обращено к изучению человека в глобальном, универсальном мире, открытом для его освоения в настоящее время более, чем когда бы то ни было. Социологическая теория, наряду с исторической наукой, политической экономией, политологией и другими социальными науками - важная составляющая упорядоченных представлений о глобальных процессах современного мира, о взаимозависимости его структур, об уникальности, активной роли и ответственности субъектов социального действия - и в качестве такового она приобретает интернациональный характер. Не только имена, но и теоретические построения десятка самых известных социологов от О. Конта и К. Маркса до П. Бурдьё и Э. Гидденса сегодня известны всюду, их работы переведены на основные языки мира.

С другой стороны, международное социологическое сообщество, также как и европейское, в качестве своего основания имеет совокупность национальных единиц-сообществ. Это объясняется тем, что мир сам по себе является разделенным, и внимание социальной науки как институционально признанной области деятельности обращено на свою страну или свой регион мира. На этом уровне содержание социологии традиционно связано с такими областями знания, как этнография и антропология, экономическая, культурная и политическая история страны. Политические и экономические потребности каждого общества формируют свой запрос по отношению к социологии, и в рамках данного национального сообщества она развивается, с одной стороны, ориентируясь на состояние научной мысли в этой области на международном уровне, а с другой, - на внутренний социальный заказ, исходящий от самого общества.

Главная из внутренних потребностей конкретного общества *состоит в знании о самом себе, о характере социальных изменений, переживаемых этим обществом*. И знание это начинается со сравнения и сопоставления, с выяснения того, чем отличается образ жизни данного общества от общественного устройства других стран. Таким образом социология в своей теоретической ипостаси дает знание не о данном обществе, а об "обществе вообще", независимо от его конкретной национальной или государственной формы.

Рассуждая по любому вполне конкретному вопросу, люди используют целый ряд понятий общего характера. Эти понятия, так или иначе, связаны с пониманием *социальной структуры и субъекта социального действия*, выявления его роли в воспроизводстве и динамике этой структуры. Иными словами, отвечая на конкретные вопросы, необходимо иметь в качестве предпосылок достаточно ясные понятия об обществе и его атрибутах, в качестве которых выступают, с одной стороны, государство и рынок, а с другой, - такие виды совокупной деятельности людей, как политика, экономика, культура, превращающиеся в результативные эффекты, обеспечивающие уровень безопасности и благосостояния населения. Более того, эти ответы зависят от того, как именно трактуются включенные в саму постановку вопроса общие понятия, которые и являются предметом рассмотрения теоретической социологии. Словом, без общей теории общества обойтись невозможно, и современная исследовательская ситуация в области социологии предлагает по меньшей мере два основных варианта построения социологической теории.

¹ В 2001 году на V-й Конференции Европейской социологической ассоциации, состоявшейся в Хельсинки, в качестве центральной была предложена тема "Visions and Divisions: Challenges to European Sociology". Нельзя сказать, чтобы делегаты пришли к единому мнению по обсуждаемому вопросу. То же самое можно сказать и по мадридскому конгрессу МСА, проведенному в 1990 г. под девизом "Современная социология: для всего мира или для каждой из стран?".

Первый состоит в том, чтобы рассматривать общество как *социальную реальность особого рода*, которая раскрывается через совокупность правил поведения, обычаев и норм, регулирующих отношения между людьми, и составляющих живую ткань политических, экономических и культурных институтов, трансформирующихся в результате совокупности социальных действий. Это достаточно абстрактная, и в то же время емкая формула, открывающая широкие исследовательские перспективы. Одни теоретики подчеркивают значение норм поведения, основанных на коллективных представлениях самих членов общества, другие концентрируют внимание на социальных институтах, третьи - на типах социального действия и вариантах мотивации этих действий, четвертые, наконец, - на структуре отношений между членами общества, которые характеризуются разными степенями взаимной согласованности и конфликтности. Объединяет эти направления то, что общество как сложно организованная совокупность индивидов, групп, сообществ, воспринимается и рассматривается как реальность, целостность, несводимая к сумме составляющих ее частей².

Второй вариант понимания социологии исходит из идеи общества как *конструированной реальности*. Оно опирается на идею социального действия, но при этом весьма туманным остается само понятие конструирования. Это понятие сохраняет двойную смысловую нагрузку: а) конструирование внутреннего мира моего "Я", моего "самосознания" и б) конструирование как преобразование внешней по отношению к этому "Я" социальной реальности. Благодаря такой "неопределенности" открываются широкие перспективы сближения социологии с психологией, точнее говоря, растворения социального знания в накоплении массы биографического материала, из которого, в конечном счете, появится "новое знание об обществе" или "новая социология". Методологический вопрос о соотношении целого и его частей решается в этом случае в смысле утверждения возможности понимания частностей безотносительно к пониманию целого. Тем самым проблема целого вытесняется в сферу непознаваемого или трансцендентального и выводится за пределы рационального социологического знания.

"Новое понимание социологии" в данном варианте рассматривает самое себя в качестве социологии, преодолевшей национальные границы и утверждающей себя в качестве транснациональной социологии будущего. Близкий к этому вариант основан на подмене общей теории общества множеством теоретических построений по частным вопросам. В этом случае индивиду предлагаются научно обоснованные ответы на массу частных ситуаций, оставляя его в недоумении относительно вопроса о том, существует ли само общество? И каким образом в нем сохраняются и поддерживаются связи между отдельными людьми - самостоятельными личностями?

Если исходить из достаточно ясной предпосылки, что социологию интересует образ жизни масс населения, то следует признать, что одна из основных задач социологии состоит в исследовании тех изменений, которые происходят в конкретном обществе. Сравнение с другими странами, безусловно, важно и полезно, но главная проблема состоит в выявлении национальной (в смысле "государства-нации") специфики, которая определяется совокупностью политических, экономических, социальных и культурных характеристик именно этого общества. Еще раз повторим, что, несмотря на наличие некоторых общих тенденций, каждое из национальных государств изменяется по-своему, не так, как другие. И задача социологии применительно к данному обществу состоит как раз в том, чтобы выявить национальное своеобразие именно данного общества и данной страны в условиях многослойной социальной реальности. В соотносительности с многообразными слоями социальной реальности состоит главное основание социологического плюрализма, который обнаруживается, прежде всего, в коллизии интернационального (глобалистского) и локального взглядов на мир.

² См.: Латин Н. И. Общая социология. М., 2007.

Неустраимая антиномия

Мы будем называть обозначенное противоречие между глобалистским (интернациональным) и локальным (национальным) содержанием нашей области знания *социологической антиномией*. Вполне возможно, что она действует в гораздо более широких рамках межнациональных контактов, но мы намеренно ограничимся ее реализацией в поле социологии.

Важно обратить внимание на некоторые обстоятельства, присущие обозначенной антиномии. Во-первых, два уровня существования социологии, так или иначе, закрепляются институционально и ее смысл состоит как раз в том, чтобы обеспечить взаимообмен между этими уровнями, содействовать их взаимопроницаемости. В то же время в рамках каждого из национальных социологических сообществ существует своя дифференциация: есть исследователи и направления, ориентированные, с одной стороны, на традиции социального мышления, сложившиеся в данной стране, с другой, - на международный опыт. В любых национальных социологических сообществах представлены обе эти ориентации. Иногда между ними разыгрываются нешуточные баталии, но если рассматривать вопрос по существу, то выясняется, что сформулированные позиции отнюдь не во всем противоречат друг другу. Во всяком случае, они не являются взаимоисключающими. Разумеется, любая наука, в том числе и социальная, имеет интернациональный характер: истина, кем бы она ни была сформулирована, не может быть только национальным достоянием. С этой точки зрения, тезис об отдельной социологии для каждой страны, безусловно, несостоятелен. Однако *путь к истине* всегда обусловлен конкретными обстоятельствами исследователя, направлением или школой, в которых немалую роль играют особенности национального мышления или специфика "национального менталитета".

Среди обстоятельств, влияющих на повестку дня социологических исследований, особое место принадлежит культурной традиции страны, точнее, *традициям светского мышления в рамках данной национальной культуры*. Наличие национальных школ в социологии (американской, британской, французской, итальянской, бразильской, скандинавской, японской, польской, российской и т.д.) - одно из свидетельств верности этого тезиса³. Степень развития этих школ, определение задач исследовательской деятельности применительно к нуждам данной страны, использование результатов исследований в различных сферах практической жизни характеризует *социологическую культуру конкретного общества*.

Обратим внимание еще на одну из сторон обсуждаемой дихотомии. Сегодня социология во всем мире использует более или менее сходный категориальный аппарат, принятый в качестве общенаучного. Такие понятия как системный подход и классовый анализ, сочетание теории и эмпирических данных, количественного и качественного подходов (методологические установки); социальное действие, структура и актор, стратификация и мобильность, трансформация и модернизация, господство и подчинение (структуралистские категории); потребности и интересы, ценности и нормы, смыслы и социальные роли, социальный конфликт, жизненный мир, социально-культурная травма, идентичность и доверие как ценность, обеспечивающая стабилизационные процессы (мотивационные категории) - узнаваемая тематика современного теоретического дискурса в социологии. И на первый взгляд, представляется, что это - единая проблематика для всего мира и всех стран. В определенном смысле слова - так оно и есть! Но... в то же время, каждая из этих тем разворачивается в каждом обществе по-своему. *И одна из наиболее серьезных опасностей в ходе становления*

³ Николай Генов был одним из первых исследователей, предпринявших попытку изучения национальных традиций в социологии на основе характеристик положения дел в социологии разных стран, представленных социологами этих стран. (См.: *Genov Nikolai. National Traditions in Sociology. L-n: SAGE, 1989*).

социологического мышления состоит в игнорировании национального своеобразия развертывающихся в данной стране социальных процессов, в слишком сильной генерализации, обуславливающей перенос ситуаций из одного социально-исторического контекста в другой. Другая опасность - игнорирование интернационального содержания социологии, основанное, как правило, на авторитарической, изоляционистской концепции собственного общества.

Признаем очевидное: уровень социологической культуры разных стран далеко не одинаков. Не более десятка стран мира можно отнести к числу наиболее развитых в этом смысле. Пока еще не выработаны международные стандарты, приемлемые для всех. Но в этот круг, безусловно, входят США, Великобритания, Франция, Польша, скандинавские страны, Бразилия, Япония. В большинстве из них с начала XIX века не прекращался процесс накопления социологического знания благодаря тому, что в них сложились университеты, кафедры, исследовательские учреждения, поддерживавшие его преемственность. В российской культуре социальная проблематика осмыслилась не столько в научной, сколько в художественной форме, и научная деятельность в области социологии здесь не получала институционального подкрепления вплоть до 60-х годов XX столетия. Многие известные в мире социологи и социальные мыслители при разных российских политических режимах вынуждены были жить в эмиграции и порою из-за границы вмешиваться во внутренние дела своей страны. В Западной Европе и США получили признание А. И. Герцен, М. Ковалевский, П. Сорокин, Н. Бухарин. По степени насыщенности социологическими изданиями, университетами, факультетами, кафедрами, сообществами, периодическими изданиями и иными атрибутами профессии безусловное первенство принадлежит США.

Развитие социологической культуры в каждой из стран неправильно понимать как простой перенос или заимствование идей (в источниках по истории социологии весьма часто дело трактуется именно таким образом). В своем анализе истории социологии в Великобритании профессор Оксфордского университета А. Холси подчеркивает факт интернационального состава профессорского социологического корпуса в этой стране (К. Мангейм, Н. Элиас (Германия), З. Бауман (Польша), Э. Шилз (США), Д. Рекс (Южная Африка), Вестермарк (Финляндия) и др.) и выявляет органическую связь социологического мышления и исследовательских практик в Великобритании с идеями фабианского и этического социализма, со стремлением британских социологов использовать государственный ресурс для построения общества благосостояния⁴.

История национальных социологических школ может быть адекватно представлена лишь в контексте истории соответствующей страны. При этом важно иметь в виду, что решающие события общественно-политической истории стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление. Необходимость выхода из экономической депрессии конца 1920-х гг. стала, к примеру, мощным стимулом развития социологии в США. Во Франции возникновение школы Э. Дюркгейма связано с переосмыслением опыта революций в этой стране, что привело к формулировке главной мысли этого направления - идее органической солидарности. В России потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором распространения социологических исследований с конца 1950-х до начала 1970-х годов и с середины 1980-х ("перестройка") по настоящее время. В Великобритании таким фактором стала задача послевоенной стабилизации, которая и породила потребность в институционализации социологии в 1950-е годы⁵.

Во всех случаях в процессе легитимации социологии в конкретных странах важную роль играли те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде соответствующие формы мышления были выражены в философской литературе. Американская социология опиралась, прежде

⁴ Halsey A. H. A history of sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford Un. Press, 2004.

⁵ Там же.

всего, на прагматизм, английская - на эмпиризм и шотландскую школу Просвещения, социология во Франции - на традиции Просвещения и политическую философию. Становление социологии в России в дореволюционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России.

Поле демократической политики предоставляет исходный ресурс для социологической деятельности. Но это не следует понимать в том смысле, что направления социологической мысли и практика исследований полностью определяются политической ситуацией. Корпус исследователей, социологическое образование и иные институты, однажды возникнув, образуют самостоятельную профессиональную среду - поле социологии, которое реагирует на импульсы, исходящие от политики, сообразно собственным интересам и ценностям профессионального характера. Но несомненно, что важным фактором развития социологии является освоение общего культурного этоса своей страны. Именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становится его частью. В конечном счете, культурное брожение совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе. В этой связи можно выдвинуть следующее утверждение: **культурные императивы общества определяют границы социологического мышления, а институциональные структуры - варианты национального бытия социологии.**

Что касается независимости социологического дискурса, то, как правило, он обеспечивается своеобразной автономией системы образования, организации исследований и издательского дела. История социологии, как отмечает Холси, есть история персонажей, институтов и идей. Вместе с тем, необходимо помнить, что каждая из национальных культур, имея в своей основе некоторое ядро, подвержена изменениям, как в силу влияния меняющейся внутренней проблематики, так и в результате динамики интернациональной проблематики.

Вопрос о соотношении национального и интернационального содержания социологии особенно обострился в связи с изучением роли науки. Р. Мертон, проследив историю европейской науки в новое время, пришел к выводу, что наука - если это наука - имеет интернациональный статус. Этот вывод был им сделан на основе изучения естественных наук и технических достижений. Но он же был распространен и на социологию. Мертон считал, что **наука вообще, в том числе и социальная, является наднациональным феноменом и интернациональным достоянием. Он утверждал, что "универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм определяют этос современной науки"**⁶. Этот этос науки преодолевает национальные границы и создает надгосударственную систему отношений по поводу знания.

Другой американский социолог Н. Смелзер, признавая действие глобалистских тенденций в современном мире, вместе с тем подчеркивает приоритетную роль национального государства в качестве актора, воздействующего на социальные изменения. В президентском послании к Американской социологической ассоциации 1997 г. он сформулировал следующий тезис: "идея современного национального государства (the modern nation-state - la patrie) стала современной основой политической интеграции. Национальное государство воспринимается ныне как единственный носитель суверенитета и управления, как некая территория, имеющая свои границы, как локус экономической самодостаточности, как монопольный носитель легитимного применения силы и насилия, как *центр общей культуры (включаящей язык), как объект лояльности и групповой идентичности*" (курсив мой. - А. З.)⁷. Наиболее важный аспект нового понимания государства, предложенного Смелзером, состоит в том, что госу-

⁶ Merton R. K.: Social Theory and Social Structure. Glencoe: The Free Press, 1957. P. 552 - 561.

⁷ Smelser N. The rational and the ambivalent in the social sciences: 1997. Presidential address // American Sociological Review. V. 63. N 1 (Feb 1998).

дарство рассматривается как субъект действия и объект лояльности и идентификации со стороны граждан, и эта сторона дела означает если и не полное отторжение, то значительное ограничение пределов наднациональной концепции науки.

Указанная выше антиномия означает, что при анализе конкретных социальных проблем возникает двойственность оценок социальной реальности. С одной стороны, будет подчеркиваться одинаковость трансформационных процессов, включая конкретные цели реформ - развитие образования, методы совершенствования демократических институтов, регулирование конфликтов, устранение бедности и т.д., а с другой, - будут настаивать на уникальности всей этой проблематики для данной страны, невозможности понять ее, руководствуясь лишь общим знанием относительно аналогичных проблем и процессов в других странах. Эти два подхода могут принимать форму группового противостояния, но могут в то же время в психологии конкретного ученого преобразоваться в конфликт между двумя типами мотивации исследовательской деятельности. Одна линия этой мотивации направлена на развитие международных контактов, обмен литературой, на стремление к более широкому признанию с помощью публикаций собственных произведений на иностранных языках. Все это прямо соответствует современному статусу серьезного ученого. Но с другой стороны, в его сознании существуют мотивы представительства отечественной науки за рубежом и иные мотивы патриотического характера.

Наличие национальных социологии признается такими авторами, как Бурдые и Будон, Дарендорф и Хабермас, Козер и Рансиман и другими, стоящими на позициях социологического реализма. Вместе с тем, признание существования и традиций национальных школ социологического мышления вовсе не означает недооценки интернациональных форм его существования. Вопрос в акцентах. Одно не исключает другого, но при обсуждении этого вопроса требуется предельная конкретизация. Как подчеркивал П. Бурдые, *поле социологии, возникнув в какой-либо из стран, становится ареной борьбы за доминирование в интерпретации социальной реальности*. При этом сам выбор ориентации - национальной или интернациональной - не может быть расценен как а priori положительный или отрицательный раз и навсегда. Как правило, существует некий континуум позиций с возможными переходами от одной крайности к другой через ряд промежуточных ступеней.

В любых национальных социологических сообществах представлены обе позиции - и национальная, и интернациональная. Характер полемики между ними в каждый данный момент определяется политической конъюнктурой и общим уровнем культуры. Распределение сторонников той и другой позиции отчасти коррелируется со степенью владения иностранными языками⁸. Вместе с тем, преобладание или даже доминирование одной из этих позиций неизбежно обретает политический смысл, поскольку одной из кардинальных проблем политики остается интерпретация национальных интересов с точки зрения их отношения к интересам мирового сообщества и других стран, входящих в это сообщество. Отсюда проистекает неоправданное стремление к отождествлению культурных взаимовлияний и политических взаимодействий.

Заметим в этой связи, что сторонники изоляционизма российской культуры весьма часто употребляют понятия "западного" или "американского" влияния в сугубо негативном смысле слова, не отдавая себе отчет в конкретном содержании этого влияния. Так, социологическое мышление в США гораздо более развито и полнее институционализировано. В силу этого влияние американской социологии на социологию в других странах неоспоримо. Но если рассматривать такого рода влияния по существу, то требуется отойти от этой весьма общей формулы - "влияние американской социологии" - и показать, о влиянии каких конкретно авторов, каких идей, каких исследовательских приемов идет речь. Американское влияние на социологическое мышление мо-

⁸ Этот показатель особенно важен для России, лингвистическая культура которой основана на кириллице, не используемой в большей части остальных стран Европы.

жет быть влиянием чикагской школы Р. Парка и его сподвижников, структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Р. Мертон (в разных сочетаниях и вариантах), критической социологии Р. Миллса и А. Гоулднера, влиянием символического интеракционизма Д. Мида и Г. Блумера, драматургической социологии Э. Гофмана, этносоциологии Г. Гарфинкеля, социологии конфликта Р. Коллинза, теории культурной травмы Д. Александра и его соавторов и т.д. Во всех этих случаях требуется особое исследование взаимоотношений между источником и реципиентом: что именно, почему, в каких целях, и каким способом осуществляется воспроизводство текстов, каковы внутренние причины и механизмы осуществляемой селекции, каков результат такого рода взаимодействия?

При рассмотрении подобных взаимодействий, которые представляют собою нормальный процесс развития социологической дисциплины и социологического знания, важно иметь в виду крайние позиции, возникающие на противоположных полюсах социологической антиномии: с одной стороны, стремление не просто приобщиться к новым идеям в социологии, а как бы раствориться в них, утверждая, что зарубежная социологическая доктрина и есть высшая точка развития, что собственная культурная традиция лишь мешает развитию интеллектуального потенциала нации, и посему ее нужно забыть как феномен архаики, а, с другой стороны, возникает защитная реакция, выдвигающая тезис об угрозе национальной самобытности, о необходимости "возвращения к почве", о ценности доморощенной социологии, которая и есть выражение "истинной национальной культуры".

Программа Бурдьё

Еще более определенно, и вместе с тем, развернуто, мысль о взаимодействии национального и интернационального пластов культуры применительно к социологии высказал П. Бурдьё, который незадолго до смерти предложил программу исследовательской деятельности в этой области⁹. Остановимся на этой программе более подробно, поскольку она не только не вызывает отторжения, но и оказывается совпадающей с задачами нашего проекта.

Бурдьё начинает с тезиса, опровергающего наднациональный характер любой интеллектуальной деятельности. "Часто считают, - пишет он, - что интеллектуальная жизнь интернациональна "по определению". Нет ничего более ошибочного. В интеллектуальной жизни, как и в любом другом социальном пространстве, находят свое место национализм и империализм, а интеллектуалы, практически так же, как и все, распространяют предрассудки, стереотипы, общепринятые мнения и представления, очень поверхностные и элементарные, которые питаются случаями из обыденной жизни, непониманием, недоразумениями и обидами... *Все это заставляет меня думать, что установление истинного научного интернационализма, который, на мой взгляд, есть начало интернационализма вообще, не может происходить без специальных усилий.* Будь то область культуры или какая-то другая область, я не верю в *laissez faire*. Я хочу показать, как в международных обменах логика *laissez faire* часто приводит к тому, что начинает циркулировать самое плохое, а самое хорошее не может войти в оборот. В этом вопросе, как и в других, мною движет сциентистская убежденность, которая теперь не в моде..."¹⁰.

Далее Бурдьё предпринимает специальный анализ препятствий, которые оказываются на пути движения идей из одной страны в другую. Наибольшее внимание при этом уделяется француско-немецкому взаимодействию. Бурдьё приводит в этой свя-

⁹ Бурдьё П. Социальные условия международной циркуляции идей / Социальное пространство: поля и практики / Пер. с французского Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2005. С. 539 - 553.

¹⁰ Ук. соч. С. 540 - 541.

зи наблюдение Маркса, который в свое время заметил, что "немецкие мыслители очень плохо понимаются французскими мыслителями, поскольку они воспринимают тексты, которые были носителями определенной политической конъюнктуры, как "чистые" тексты, и трансформируют политического агента, находящегося в основании этих текстов, в трансцендентального субъекта". Одна из основных проблем межкультурного взаимопонимания состоит в том, что при переводе с одного языка на другой текст вырывается из контекста, в котором он был создан, и благодаря этому лишается основной смысловой нагрузки, связанной с полем интеллектуального производства. Более того, в новом интеллектуальном поле, в которое перемещается продукт, изготовленный в другом поле, он наделяется новым смыслом, который проистекает из специфики культурной ситуации "принимающей стороны". Бурдьё анализирует механизм такого перемещения из одного интеллектуального поля в другое. "Перемещение" предполагает проведение ряда организационных операций. Это операция отбора (выбор произведения для перевода), операция самого перевода, который может быть недостаточно адекватен в силу причин лингвистического характера, операция придания новой марки продукту (выбор издателя и издательства), операция представления (предисловие, комментарии, заключение) и, наконец, операция чтения, которую осуществляет публика. На всех этих этапах и перемещениях действуют свои интересы и предрассудки.

Бурдьё подчеркивает значение *Realpolitik* разума, ради которого необходима организация диалога и "научное изучение национальных полей производства и национальных категорий мышления, в которых знание формируется и широко распространяется, в частности, благодаря преподавателям иностранных языков и культур"¹¹. Если иметь в виду задачу "преодоления" национальных границ мышления или свободу от национальных категорий мышления, то к этому можно прийти лишь через сознательно направленные усилия по осмыслению и экспликации этих категорий. "Социология и социальная история, рефлексивные и критические (в кантовском смысле), должны бы задаться целью пролить свет на структуры национального культурного бессознательного, чтобы лучше разобраться в них с помощью научного социоанализа. Они могли бы раскрыть посредством исторического анамнеза... национальных историй, а в особенности истории образовательных институтов и полей культурного производства, *исторические основания*, которые социальные агенты применяют, сами того не замечая, в своей деятельности по культурному производству и рецепции продуктов культуры"¹².

Завершая изложение своей программы, Бурдьё подчеркивает существование двух перекрещивающихся линий. Во-первых, он полагает, что "бессмысленно отрицать существование глубинного интеллектуального национализма, базирующегося на истинных национальных интеллектуальных интересах". Но вместе с тем подчеркивает, что существует *"международная борьба за господство в сфере культуры и за признание в этой сфере доминирования того или иного принципа организации культурной жизни общества"*. Она разворачивается наиболее отчетливо в рамках каждого национального поля в виде борьбы между национальным и интернациональным определением реальности. Эта ситуация порождает путаницу, своего рода хаос. "Нужно обладать большой интеллектуальной независимостью и теоретической здравостью, чтобы увидеть, что Дюркгейм, восставший против господствующего интеллектуального режима, с которым прекрасно ладил Бергсон, находится в одном лагере с Кассирером, в противовес которому Хайдеггер развил разновидность бергсоновской *Lebensphilosophy*..."¹³ Разъясняя смысл приведенного примера, Бурдьё отмечает сходство в истолковании "символических форм", предложенное немецким философом Э. Кассире-

¹¹ Там же, с. 549.

¹² Там же, с. 550.

¹³ Там же, с. 553.

ром в его "Философии символических форм" и идеей формирования "примитивных форм классификации", сложившихся на самых ранних этапах родового сообщества, выдвинутой французским социологом Э. Дюркгеймом. Выявление пересечений подобного типа, полагает Бурдьё, содействует более глубокому пониманию, "накоплению исторических достижений разных традиций и интернационализации (или денационализации) категорий мышления, которая является первейшим условием истинного интеллектуального универсализма"¹⁴.

Из этого примера следует, что культурный контекст сам по себе не выступает в качестве детерминирующего фактора в вопросе о преобладании и, тем более, доминировании национальной или интернациональной ориентации социально-политического мышления в каждой стране. "Национальное культурное влияние" не является однозначным фактором в выборе определения и интерпретации социальной реальности и исследовательской стратегии в рамках собственно социологии главным образом в силу того, что это влияние само по себе исключительно многообразно и разнонаправлено.

Не менее противоречивыми являются и "интернациональные влияния", которые по-разному разворачиваются на различных уровнях социального и социологического мышления. С точки зрения Бурдьё, а мы полагаем ее вполне адекватной современным реалиям, интернациональные влияния сами по себе являются полем столкновения интересов и практической борьбы, по меньшей мере, конкуренции. Перевод иностранного автора, а затем и представление его читающей публике через "Предисловие" и специальные рекламные акции есть способ приобщения к позиции автора, которое может стимулироваться разнообразной мотивацией - от восхищения талантом и желанием приобщить других к этому восхищению, от соображений престижа до вполне земных мотивов меркантильного характера. В том и другом случае разворачивается, как известно, конкурентная борьба. Но, кроме того, общим результатом этой борьбы, независимо от намерений участников этого процесса, может выступать "доминирование определенного стиля мышления", который оказывается основным способом интерпретации социальной реальности. Иными словами, в результате этой борьбы формируются доминирующие ценностные установки относительно того, как следует интерпретировать социальную реальность, какую терминологию следует использовать для обозначения общества как имперского, тоталитарного, демократического, общества благосостояния, ведущей мировой державы, общества капиталистического, социалистического или общества третьего пути и т.д.

От социальных идей к социологии как системе

Историк британской социологии Холси полагает, что определенные социологические идеи содержатся уже в первых письменных текстах, особенно в Священном писании, мифах Древней Греции, Махабхарате и в других памятниках культуры разных народов. Интересно заметить, что эти представления в индивидуальном сознании отдельного человека могут воспроизводиться и в современных условиях. Они будут сохраняться еще достаточно долгое время, так как практическое поведение, если и связано с тем, как человек воспринимает "мир вообще", то эта связь осуществляется весьма сложным и опосредованным образом. Верит ли человек в сотворение мира в течение семи дней и в бессмертие души, или же он является последовательным атеистом, все это не сказывается на его практической нравственности. Те или иные мысли об обществе, выраженные в канонических текстах разных конфессий, в поэтическом творчестве и художественной литературе имеют определенное социальное содержание, но эти мысли еще не являются социологией.

¹⁴ Там же.

Социология как способ мышления возникает лишь в середине XIX века, после того, как европейское общество прошло через опыт религиозных войн и приобрело первые черты современного светского государства, основанного на идеях секуляризации. Социологическое мышление и социологические теории начинают возникать лишь тогда, когда объяснение социальных событий через вмешательство трансцендентных сил ставится под сомнение, когда причины происходящего усматриваются в самих социальных отношениях.

Основы нового мировоззрения, опиравшиеся на идеи Просвещения, дали мощный толчок социальным наукам, включая теорию государства, правовые дисциплины, политическую экономию, исторические науки, философию, теорию нравственности ("моральные науки") и искусств, теорию управления, утопические теории будущего общественного устройства. Одновременно развивались практические потребности, касающиеся военного дела, налогообложения и других способов управления государством. Так что к числу европейских социальных мыслителей - предшественников социологии справедливо относят имена Н. Макиавелли, Г. Гроциуса, Т. Гоббса и Д. Локка, Б. Спинозы и Р. Декарта, Ш. Монтескье и П. Гольбаха, Д. Дидро, А. Смита и Д. Риккардо, И. Бентама, И. Канта и Г. Гегеля, Ж. Кондорсе и А. Сен-Симона, А. Кетле. Далеко не полный перечень этих имен показывает, что к началу XIX века в европейских университетах сформировались обширные области социального знания, приобретающие очертания специализированных научных дисциплин. При этом каждый из университетов избирал для себя некоторый комплекс предметов обучения, характерных именно для этого университета. Немецкие университеты специализировались на общей философии, теории познания и систематизации всей совокупности знаний; британские - на политической экономии и моральной философии; французские - на исторических науках и праве. Интересно заметить, что социология возникает во Франции за пределами университетской системы образования, однако позже, во времена Дюркгейма постепенно вписывается в эту систему. В самом начале своего возникновения она представляет собою протестное движение. Это относится как к К. Марксу и Ф. Энгельсу, так и к О. Конту и Г. Спенсеру.

Марксистское направление социологии синтезирует комплекс протестных идей, накопившихся в обществе, игнорируя сам термин "социология". Конт и Спенсер решают задачу синтеза стабилизационных идей с протестным уклоном по отношению к уже сложившейся системе знания в университетском образовании. Медлительность проникновения социологии в университетскую среду была обусловлена сопротивлением теологических факультетов, которые доминировали в университетских колледжах всех европейских стран. Включение социологии в преподавание означало, что светское мировоззрение, основанное на рассмотрении общества как *causa-sui*, приобретало официальный статус. Институционально первые социологические кафедры, социологические сообщества и социологические журналы создаются в конце XIX - начале XX века главным образом потому, что идеи университетской социологии опирались, с одной стороны, на светское мировоззрение и, с другой, - противостояли марксистской интерпретации социальных процессов, распространяемой главным образом вне академической среды.

Помимо формальной стороны дела, связанного с возникновением социологии, весьма важно иметь в виду содержательные аспекты социологического мышления, предполагавшие интеллектуальное освоение тех социальных изменений, которые стали результатом двух европейских революций. Речь идет о промышленной революции, центром которой стала Англия, и Великой Французской буржуазной революции. Оба эти процесса стали своего рода фоном модернизации общества, продолжающейся до сегодняшнего дня. В результате этих событий создавалось современное мировое пространство или система современных обществ, описанная Марксом и Энгельсом в "Ма-

нифесте Коммунистической партии" (1848) и Т. Парсонсом в его последнем произведении "Система современных обществ" (1971).

Само собою разумеется, что политическая ситуация в стране, и прежде всего развитие демократических институтов, оказывает решающее воздействие на положение социологии в соответствующих странах. Но это не следует понимать в том смысле, что направления социологической мысли и практика исследований полностью определяются политической ситуацией. В этом поле в качестве акторов действуют не только преподаватели и ученики, исследователи и респонденты, но и идеи, ставшие общественным достоянием, независимо от того, в какое время и кем именно они были высказаны. Здесь больший смысл имеет актуальность теоретического содержания.

Выше мы уже приводили позицию Н. Смелзера относительно роли современного национального государства как стимулятора, а в ряде случаев и организатора научного поиска, спонсора исследовательских направлений в разных областях гуманитарного знания, в том числе и в социологии. Современное национальное государство является, действительно, центром общей культуры, объектом лояльности и групповой идентификации. Эту же мысль, сформулированную в президентском послании АСА 1997 года, в более развернутом виде Н. Смелзер воспроизводит в зиммелевских лекциях¹⁵. Здесь он подчеркивает, что именно нация (National Society) занимает центральное место в ведущих социальных науках: политической науке, экономике, социологии, культурной и социальной антропологии¹⁶. Понятие государства, считает Н. Смелзер, сформировалось в работах таких авторов, как Т. Пейн, в политических и социальных трудах деятелей Французской революции. Собственное определение государства, которое воспроизводится в этой работе, рассматривается Смелзером в рамках именно этой традиции¹⁷.

Смелзер исходит из признания важной реалии: ни один интернациональный процесс в современном мире не может развиваться вне сложившихся национально-государственных форм. В то же время сами национально-государственные формы представляют собою предмет изучения со стороны социологического сообщества. С позиций глобалистики важно отметить, что национальные государства оказывают решающее воздействие на протекание и развертывание тех или иных процессов в локальных масштабах, обозначаемых в данном случае границами государства. Дело в том, что именно государственные структуры в каждой из стран определяют масштаб воздействия со стороны общества на соответствующие процессы. Это касается таких вопросов, как развитие систем образования, борьба с бедностью, эффективность международных союзов, регулирование миграционных потоков, феминизация корпуса политиков, строительство коммуникаций, охрана окружающей среды, производство систем вооружений и размещение их на своей территории в соответствии с собственным пониманием реальных или мнимых угроз и рисков. Несмотря на распространение транснациональных компаний, международных финансовых систем, увеличение скоростей в перемещении информации и людей по всему миру, именно государства остаются главными акторами на международной арене. При этом уровень ответственности каждого из государств не уменьшается, а возрастает. Адекватность и компетентность принимаемых решений во многом определяется степенью освоения **культуры социологического мышления**, основанной на критическом осмыслении печальных уроков XX столетия.

¹⁵ *Smelser N. J. Problematics of Sociology: The George Simmel Lectures, 1995. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 50.*

¹⁶ Там же. P. 49 - 50.

¹⁷ *Smelser N. J. Problematics of Sociology. P. 50.*